

ДИСКУТИРУЮЩИЙ СУБЪЕКТ ПРАВА И ПРИНЦИПЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Ключевые слова: политическая репрезентация, дискуссия, суверенитет, общественное мнение, общество.

V.A. Tokarev. Discussion and Principles of Political Form

The article deals with the discussion as element of representative democracy. It is comprehended in the context of political and legal doctrines of the XVIII—XIX centuries on the basis of its interpretation offered by K. Schmitt.

Различая в структуре конституции правового государства два элемента — часть, посвященную правовому государству, и часть, содержащую принципы политической формы, — известный немецкий юрист XX в. К. Шмитт относит к последней принципы тождества и репрезентации. В «Учении о конституции» он отмечает: «Государство как политическое единство основано на соединении двух противоречащих принципов — принципа тождества (а именно тождества присутствующего народа с самим собой как политическим единством, если он в силу собственного политического сознания и национальной воли обладает способностью различать друга и врага) и принципа репрезентации, в силу которого политическое единство отображается через правительство»¹. При этом репрезентация понимается им в качестве отображения политического единства в публичной сфере, исключаяющей как тайные консультации и соглашения, так и практики из области частных отношений. Репрезентант, попадающий в поле зрения конституционного права, не может быть ни участником закулисных переговоров, ни одной из сторон в торгах, ведущихся между различными группами интересов. На этом основании К. Шмитт называет представительное правление «правлением посредством дискуссии»², которая, во-первых, делает политику предметом общественного обсуждения, а во-вторых, отличается от переговоров, характерных для частно-правового регулирования экономических отношений. Между тем взаимосвязь дискуссии и принципов политической формы представляется нам более сложной, а ее осмысление возможным при

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой). [basiletok@gmail.com]

¹ Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 56—57.

² См. подробнее: Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 182—215.

условии обращения к основаниям такого феномена, как «политическое право эпохи модерна»¹, возникшего в точке разрыва истории суверенной власти.

Определение, которое К. Шмитт дает представительному правлению, следует скорректировать, учитывая, что он ссылается в основном на источники, относящиеся ко второй половине XIX в., когда уже назревает первый кризис парламентаризма. В более ранних текстах дискуссия воспринимается как сама собой разумеющаяся по отношению к народному представительству и поэтому она реже упоминается Дж. Мэдисоном и Э. Берком, чем Ф. Гизо, И. Бентамом и Дж. Ст. Миллем. Исследователь традиции представительного правления Б. Манен выдвигает против концепции К. Шмитта два аргумента. Формулировка «правление посредством дискуссии» представляется ему туманной, так как не определяет, какое место в правлении принадлежит дискуссии — она руководит всеми стадиями процесса принятия решения или некоторыми из них? Кроме того, правильно ли понимать ее так, что в представительном правлении все становится предметом дискуссии наподобие «бесконечной беседы» немецких романтиков?²

Замечания Б. Манена обоснованы в той мере, в какой К. Шмитт нередко выдает желаемое за действительное. Например, принцип правления истины, предопределяющий, согласно ему, коллективный характер репрезентативного правления, в аргументации деятелей Великой французской революции уходит на второй план, уступая место процедуре, обозначенной аббатом Сийесом как «испытание дискуссией». На страницах памфлета 1789 г. гипотеза морального преимущества дискуссии перед традиционной для Старого порядка «теневой» политикой развивается им в контексте представлений о конкуренции мнений, подмеченной К. Шмиттом, но она не сводится только к таким представлениям. «В этом испытании полезные идеи отделяются от вредных; последние при этом отпадают, а первые продолжают развиваться и уравнивать друг друга до того момента пока преобразованные и очищенные взаимным воздействием они в итоге не сольются в одном мнении»³, — пишет Э.-Ж. Сийес. Его занимают не поиски истины, в чем нас пытается убедить К. Шмитт, а доказательство того, что политически значимое решение получает легитимный характер, пройдя через дебаты в парламенте, которые служат средством для достижения согласия мнений, но сами они не являются принципом принятия этого решения. Причем аббат Сийес рассматривает как условие *sine qua non* принятия окончательного

¹ Goyard-Fabre S. Les principes philosophiques du droit politique moderne. Paris, 1997. P. 1—4.

² См.: Манен Б. Принципы представительного правления. СПб., 2008. С. 229—230.

³ Siyès E. Vue sur les moyens d'exécution dont les représentants de la France pourront disposer en 1789. Paris, 1789. P. 93—94.

решения согласие большинства, но никак не единодушие нашедших истину представителей народа. Он сомневается в правомерности требования равенства «общей воли точной сумме всех волей», эквивалентного отказу от «возможности формирования этой общей воли» и ведущего затем к «распаду общественного союза»¹.

Тем не менее, анализ К. Шмиттом дискуссии как необходимого атрибута репрезентации позволяет выявить присущую представительному правлению напряженность. Она возникает между необходимостью принятия единого для всех решения и разнообразием точек зрения, между свободными, легитимными дебатами и общественным мнением, оказавшимся изначально за пределами политического поля и влияющим на него извне. «Политическое поле выполняет функцию своего рода цензуры, — пишет П. Бурдьё, — ограничивая универсум политического выступления — и тем самым универсум политически мыслимого — конечным пространством выступлений, способных быть произведенными и воспроизведенными в пределах политической *проблематики*...»². Именно эта проблематика оказывается в поле зрения К. Шмитта, обращающего внимание на функцию дискуссии в процессе репрезентации политического единства народа как субъекта публичного права. Разумеется, речь не идет о поиске с ее помощью истины, требующей своего формального выражения в нормативном акте, как ошибочно полагает немецкий юрист.

Дискуссия выполняет не менее важную функцию, переводя социальный организм из состояния «войны всех против всех» в положение, регулируемое общественным договором и нормами позитивного права, т.е. в ситуацию представительной демократии, которая совмещает принцип репрезентации с принципом тождества.

Впрочем, апологетам и критикам представительного правления начала эпохи модерна общепризнанное сегодня словосочетание «представительная демократия» показалось бы внутренне противоречивым. С их точки зрения, представительное правление не являлось ни одной из форм демократии, если оставаться в границах политической теории, ни правлением народа, если перейти в практическую плоскость. Репрезентация воспринималась ими как противоположность чистой демократии. «Два главных пункта, составляющих отличие демократии от республики, таковы: первый состоит в том, что правление в республике передается небольшому числу граждан, которых остальные избирают своими полномочными представителями; второй — в большем числе граждан и большем пространстве, на которые рес-

¹ Ibid. P. 18.

² Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 181.

публика простирает свое правление»¹, — пишет Дж. Мэдисон. Он отдает предпочтение республиканскому правлению, полагая его способным обеспечить безопасность граждан и их право собственности в условиях обширных территорий. Однако акцентирование внимания исключительно на пространственном аспекте выбора федералиста в пользу репрезентации затемняет другую важную сторону его аргументации, а именно постановку вопроса об универсальном механизме предотвращения раскола в обществе, неминуемо приводящего к попранию естественных прав меньшинства. Итак, каким образом возможно согласование позиций индивидов, выражающих собственное мнение под влиянием страстей и корыстных интересов, при сохранении их права на участие в политической жизни общества?

Логика рассуждений Дж. Мэдисона отражает господствовавшие в его время взгляды на сущность представительного правления и направлена против сторонников идеи народного самоуправления. Он пишет: «Политики от теории, ратующие за этот образ правления, ошибочно полагали, что, осясавив человечество равенством в политических правах, они тем самым полностью уравниют и сгладят все различия в отношении владения собственностью, как и в мыслях и увлечениях»². Нельзя не заметить в этих высказываниях отсылки к положениям теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо. Последний заявляет, что «суверенитет не может быть представляем по той же причине, по которой он не может быть отчуждаем»³, различая демократию и репрезентацию, правда, в отличие от Дж. Мэдисона, не в пользу представительства. Но Ж.-Ж. Руссо и не утверждает, что демократический идеал может и, главное, должен быть реализован в чистом виде. Его размышления во многом предвосхищают возражения Дж. Мэдисона против народного самоуправления и отсылают к моральной природе человека. «Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собою демократически, — замечает Ж.-Ж. Руссо, — но Правление столь совершенное не подходит людям»⁴. Значит, репрезентация, воспринимается ли она позитивно или негативно, признается в начале эпохи модерна необходимой в социальном органе, поскольку выполняет в нем витальную функцию.

Противопоставляя демократии прямой демократию представительную, и Ж.-Ж. Руссо, и Дж. Мэдисон указывают на один и тот же неизбежный, по их мнению, недостаток самоуправляемого общества. «...Чистая демократия, под каковой я разумею общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично, не имеет

¹ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 2000. С. 83.

² Там же.

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты. М., 2000. С. 281.

⁴ Там же. С. 256.

средств против бедствий, чинимых крамолой»¹, — констатирует Дж. Мэдисон. Решение проблемы сохранения общественного организма и защиты каждого его члена следует искать в устранении причин крамолы или в обнаружении средств, умеряющих ее воздействие. В противном случае угроза гражданской войны обещает, как опасаются теоретики политического права, стать реальностью в ближайшей перспективе. «Прибавим, что нет Правления, — резюмирует Ж.-Ж. Руссо, — столь подверженного гражданским войнам и внутренним волнениям, как демократическое, или народное»². Отсылки к моральной природе человека приобретают в подобном контексте особое значение.

Прежде всего, сами способы устранения причин гражданских волнений признаются Дж. Мэдисоном заранее обреченными на провал. К их числу он относит, во-первых, уничтожение политической свободы, благоприятной для существования крамольных союзов, т.е. оппозиции, представляющей угрозу безопасности общества, а во-вторых, внушение всем гражданам одинаковых мыслей, увлечений и интересов. В то время как первый способ объявляется им противоречащим разуму и на этом основании сразу отвергается, в отношении второго Дж. Мэдисоном были сделаны существенные замечания, связанные с вопросом о моральной природе индивида. Действительно, так как именно она является причиной крамолы и разнообразия мнений, последнее надо признать естественным атрибутом общества. «...Скрытые причины крамолы заложены в природе человека...»³, — читаем мы в «Федералисте». Людям свойственно не только составлять мнения по какому-либо вопросу, но также и высказывать их публично. Поэтому «страсть к различным мнениям», равно как и «различия в суждениях и в практической жизни», в итоге «делят человечество на партии, разжигают взаимную вражду и делают людей куда более склонными ненавидеть и утеснять друг друга, чем соучаствовать в достижении общего блага»⁴. В этой фразе отчетливо обозначается отправная точка для дальнейшей апологии представительного правления. Если общество, сохраняя верность традициям Просвещения, намерено обеспечить безопасность и свободу своих членов, оно должно научиться справляться с указанной задачей в ситуации разнообразия мнений по поводу выбора конкретного направления действий. Рациональный аргумент дополняется практическим доводом и подводит к окончательному выводу о невозможности (неправомерности, с точки зрения разума, и явной нецелесообразности, с прагматической точки

¹ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. С. 83.

² Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 256.

³ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. С. 80.

⁴ Там же.

зрения) борьбы с подлинными причинами крамолы. Они располагаются на уровне, недоступном политическому вмешательству (рациональный аргумент), и находят выражение в социальных практиках (прагматический аргумент).

Эту же мысль можно развернуть иначе и вместо искоренения различий организовать некое единство в многообразии, т.е. юридически оформленный и способный противостоять рецидиву гражданской «войны всех против всех» легитимный механизм осуществления публичной власти. На его роль в эпоху модерна был предложен парламент, «умеряющий», пользуясь терминологией Дж. Мэдисона, действие скрытых причин, обуславливающих борьбу частных интересов в ущерб общему благу. Разнообразные мнения будут по-прежнему свободно формироваться и открыто высказываться, но уже не разрозненными группами и отдельными гражданами, а уполномоченными на политически значимую дискуссию наиболее достойными представителями народа. Их, по мысли Э. Берка, надлежало наделить «всецелым доверием», предоставить им полную свободу в принятии решений и позволить им действовать на основе «обобщенного взгляда на положение вещей»¹. Представители, вступавшие в дискуссию, должны были быть готовыми изменить свою первоначальную позицию и абстрагироваться от личных интересов и конкретной ситуации, идентифицируя себя с представляемыми субъектами в перспективе общих целей. Дискутируя, они шли бы на уступки оппонентам не бескорыстно, но ожидая от них оговариваемых заранее выгод для представляемой социальной группы, что отличало бы представительное правление от торга, участники которого рассчитывают извлечь выгоду для себя. Политики эпохи модерна прекрасно понимают, что результативность участия в коммуникации зависит от умения убеждать и договариваться, обусловленного социальным статусом депутатов, уровнем их образования и доступом к символическому капиталу. Ничто из перечисленного не отвечает эгалитарным настроениям толпы, но в то же время играет в пользу метафизической идеи гражданского общества.

Передача депутатам права на дискуссию в результате парламентских выборов переводит, по мысли философов права эпохи модерна, общественный организм из перманентной войны в состояние гражданского общества, где обеспечиваются индивидуальная безопасность и общее благо. Одновременно с этим для лиц, отвечающих требованиям избирательного закона, сохраняется возможность участия в политической жизни путем наделения представителей правом на дискуссию. В противоположность хаосу формируется политическое поле, на которое допускаются избранные во всех смыс-

¹ Берк Э. Правление, политика и общество. М., 2001. С. 230.

лах этого слова игроки, принимающие общезначимое решение по итогам свободной дискуссии. Но за его границами остаются не подлежащие дискуссии вопросы и не признаваемые представителями, по тем или иным причинам, ответы, что прекрасно понимают как Ж.-Ж. Руссо, так и Дж. Мэдисон и Э. Берк. Крамола, которой опасается Дж. Мэдисон, спрятана под налетом веры в политическое единство народа, якобы достигаемое в ходе открытого обсуждения в стенах парламента. «Закон — не способ перемирия, ибо в присутствии закона война продолжает свирепствовать внутри всех, даже самых упорядоченных механизмов власти»¹, — развеивает все иллюзии по этому поводу М. Фуко.

В действительности искусственно выведенное из состояния «войны всех против всех» и объявленное затем «гражданским» общество несет отпечаток первородного греха, который представители народа безуспешно пытаются, по словам К. Шмитта, «растворить» в дискуссии. Представительное правление, задуманное как отличная от чистой демократии политическая система, ставит барьер на пути у формирующегося в условиях конкуренции общественного мнения и в итоге устраняет политическое поле. «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага»², — пишет К. Шмитт. Основатели представительного правления, сохраняя экономические и правовые различия, стремятся снять политические различия, переводя врагов в положение дискутирующих лиц. «Согласно либеральной теории, свободная конкуренция людей, обладающих собственностью и свободой слова, — интерпретирует Дж. Кин идеи К. Шмитта, — нейтрализует государственную власть и делает ее почти излишней»³. Вместе с политическим полем нейтрализации подвергается вопрос о суверенитете, скрываемый за рассуждениями, принимающими форму дискуссии. «...Теория суверенитета обязательно ведет к возникновению того, что я бы назвал движением по кругу, движением от субъекта к субъекту...»⁴, — сетует М. Фуко. Перед нами логический круг, от попадания в который пытается уберечь свою концепцию политического права Ж.-Ж. Руссо, разграничивая в его структуре элементы репрезентации и тождества. Когда буржуазное правовое государство сталкивается с проблемами позднего модерна, критик либеральной идеологии К. Шмитт обращается к репрезентации, тождеству и дискуссии, анализируя их в рамках учения о суверенитете и предлагая надежное средство от

¹ Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975—1976 учебном году. СПб., 2005. С. 67—68.

² Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37.

³ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001. С. 255.

⁴ Фуко М. Указ. соч. С. 60.

коррозии политической формы и политического права — диктатуру. По его мнению, «тайная дипломатия публичных властителей является безобидной игрой по сравнению с публичной дипломатией, которую ведут тайные властители через своих агентов»¹. Однако зависимые агенты не являются репрезентантами, а их тайные властители не допускают тождества конкретно наличного народа с самим собой как политическим единством. По мнению К. Шмитта, только диктатор способен восстановить в политической форме равновесие принципов репрезентации и тождества.

В свою очередь, сторонники представительного правления предлагают легитимные средства, гарантирующие его стабильность — разделение властей и свободу общественного мнения. Так, разграничивая право и власть, Ф. Гизо отмечает, что власти всегда вынуждены дискутировать и тем самым сообща искать истину, но при этом публичность политической жизни ставит их под контроль граждан, которых свобода печати побуждает самим обнаруживать истину и сообщать ее властям². Если анализировать средства сохранения представительного правления по отдельности, то в отношении первого можно сказать, что философы права эпохи модерна предлагали ограничить дискуссию парламентом и обставить ее формальными условиями. Соавтор Дж. Мэдисона А. Гамильтон, характеризуя законодательную власть, не сомневается в том, что «различие во мнениях и столкновение партий в этой ветви правительства, хотя иногда и препятствуют полезным планам, тем не менее, чаще способствуют размышлениям и осмотрительности, пресечению крайностей большинства»³. Такую роскошь, по его словам, может позволить себе законодательная, но не исполнительная власть, от которой требуются сила и быстрота при принятии решений в ситуациях, представляющих угрозу для национальной безопасности. За эту, в общем-то, банальную мысль его хвалит К. Шмитт, оговариваясь, что рационализм либерального мышления, способный поддерживать баланс между рациональным и иррациональным, «является опосредованием и в определенном смысле компромиссом»⁴.

Формальная сторона вопроса о компромиссе между репрезентацией и единством власти была разработана после выхода в свет статей Дж. Мэдисона и А. Гамильтона классиками либеральной мысли И. Бентамом и Дж. Ст. Миллем. На критику представительного правления И. Бентам отвечает в своем трактате «Тактика законодательных собраний», в котором дискуссия

¹ Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 56.

² См.: Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif et des institutions politiques de l'Europe: depuis la chute de l'Empire romain jusqu'au XIVe siècle. T. 2. Paris, 1880. P. 10—11.

³ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. С. 462.

⁴ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 205.

освобождается от стереотипа «вечной беседы» и обретает статус элемента законотворческого процесса¹. Название одной из глав трактата говорит само за себя — «О прениях свободных и о прениях ограниченных». В «Рассуждениях о представительном правлении» Дж. Ст. Милль также решает проблему рационального ограничения дискуссии. «Когда законопроект уже разработан, парламент не мог изменять, но только одобрить либо отвергнуть его, — полагает Дж. Ст. Милль, — или же, если он признает необходимость частных изменений, отослать его обратно в комиссию для пересмотра»². Аргументация английского либерала служит связующим звеном для легитимных средств, гарантирующих, по его мнению, стабильность представительного правления, и сближает, насколько возможно, репрезентацию с демократией, т.е. с принципом тождества.

Уточним, что ограничение дискуссии означало ее формализацию, но не влекло за собой полного отказа от нее. За ней резервировали определенную сферу (псевдо-) политической жизни общества и вводили ее в рациональные рамки, вне которых оставалось пространство иррационального, внушавшее беспокойство идеологам представительного правления. Однако граница между рационализированными дебатами в парламенте и иррациональной борьбой частных мнений оставалась условной, если не сказать прозрачной. В речи перед избирателями Бристоля Э. Берк сравнивает себя с посредником-судоторговцем, поскольку он был «порученцем и ходатаем каждого» и всегда оказывался там, где дела избирателей требовали его присутствия³. Этому опытному политику, рисковавшему проиграть выборы, было важно доказать всем, кто находился по ту сторону различия добра и зла («морального», но не «политического», как сказал бы К. Шмитт), что между ним и его слушателями нет непроходимых преград. Они не могут лично участвовать в дебатах, зато они вправе избрать представителя и высказать ему свои пожелания. Спустя полвека Дж. Ст. Милль заметит, что парламент служит «средством для выражения неудовольствия и представителем всевозможных мнений; он представляет собой арену, на которой могут проявляться во всей полноте и вступать в борьбу не только общие мнения нации, но и мнения отдельных ее частей...»⁴. Важно то, что мнения проходят в стенах парламента «испытание дискуссией», так как ни одна воля не вправе навязать себя другим, когда изначально достигнуто согласие, положившее конец «войне всех против всех».

¹ См.: *Бентам И.* Тактика законодательных собраний. Челябинск, 2006. С. 95—99.

² *Милль Дж. Ст.* Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006. С. 98.

³ См.: *Берк Э.* Правление, политика и общество. М., 2001. С. 233.

⁴ *Милль Дж. Ст.* Указ. соч. С. 102.

После «золотого века» либерального парламентаризма напряжение между демократической идеей дебатов (принцип тождества) и аристократической идеей формальной дискуссии (принцип репрезентации) привело к его кризису. Автономных от своих избирателей представителей, ведущих дискуссию ради дискуссии, сменили партии, подчинившие своих членов жесткой дисциплине. Дискуссия приняла вид внутривнутрипартийных дебатов, оставшись необходимым условием принятия решения. В эпоху постмодерна и «аудиторной демократии» права на обсуждение добиваются широкие слои населения, определяющие свою позицию буквально накануне выборов. Сегодня демократии угрожает не репрезентация, а техника формирования запросов представляемых субъектов, сохраняющая форму дискуссии по любым вопросам, кроме основополагающего вопроса о суверенитете. Тем не менее, как и прежде, ядром конституции правового государства остается компромисс между принципами политической формы и их легитимными гарантиями и ограничениями, выводящий за скобки субъекта политического права и единственного источника власти — народ.